

УДК 347.122
ББК 67.401.032

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Т. В. Телятицкая

Белорусский государственный экономический университет (Минск, Беларусь)

Рассматриваются новые формы и механизмы административного воздействия, возникающие в результате внедрения цифровых технологий, включая автоматическую фиксацию правонарушений, дистанционное исполнение административных взысканий, электронные формы контроля и профилактики. Анализируются особенности правового режима таких мер, в том числе их соответствие принципу презумпции невиновности, соблюдение процессуальных гарантий и необходимость законодательного урегулирования алгоритмических решений. Отдельное внимание уделено правоприменительной практике Республики Беларусь с привлечением сопоставительного материала из законодательства и практики Российской Федерации. Обоснована необходимость классификации форм цифрового административного принуждения и предложены направления модернизации национального законодательства с учетом перспектив использования ИИ и больших данных. Сделан вывод о необходимости нормативного обеспечения принципов прозрачности, верифицируемости и ответственности при реализации удаленного и автоматизированного административного воздействия.

Ключевые слова: административное принуждение, цифровизация, удаленное взыскание, автоматическая фиксация, электронное правосудие, профилактика правонарушений, Беларусь, алгоритмические решения, правовые гарантии

MODERN FORMS OF ADMINISTRATIVE COERCION IN THE CONTEXT OF TECHNOLOGICAL TRANSFORMATION OF PUBLIC ADMINISTRATION

T. V. TELYATITSKAYA

Belarusian State Economic University (Minsk, Belarus)

The article examines new forms and mechanisms of administrative enforcement arising from the implementation of digital technologies, including automatic detection of offenses, remote execution of administrative sanctions, and electronic forms of control and prevention. The legal specifics of such measures are analyzed, including their compliance with the presumption of innocence, procedural guarantees, and the need for legislative regulation of algorithmic decisions. Particular attention is paid to the law enforcement practice of the Republic of Belarus, with a comparative analysis of the legislation and practice of the Russian Federation. The article substantiates the need to classify forms of digital administrative coercion and proposes directions for the modernization of national legislation, considering the prospects for the use of AI and big data. It concludes with the necessity of legally ensuring the principles of transparency, verifiability, and accountability in the implementation of remote and automated administrative enforcement.

Keywords: administrative coercion, digitalization, remote enforcement, automatic detection, electronic justice, prevention of offenses, Belarus, algorithmic decisions, legal guarantees

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.9](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.9)

Цифровая трансформация государственного управления представляет собой объективную необходимость, обусловленную динамикой современных вызовов и усилением общественных ожиданий к деятельности органов власти. Она направлена на повышение прозрачности и эффективности управленческой деятельности, оптимизацию взаимодействия государства и общества путем внедрения инновационных информационно-коммуникационных технологий. Одним из ключевых инструментов такого процесса является использование технологий больших данных (BigData), которые позволяют существенно усовершенствовать процедуры планирования, мониторинга и оценки результатов управленческой деятельности благодаря оперативному анализу значительных массивов информации [1].

В Республике Беларусь процессы цифровой трансформации последовательно реализуются в рамках государственной политики по построению электронного правительства и формированию информационного общества. Это отражено в ряде утвержденных программных документов и государственных стратегий. В частности, активно внедряется межведомственная система электронного документооборота, осуществляется перевод государственных услуг в электронный формат, создаются специализированные электронные площадки и порталы, обеспечивающие дистанционное взаимодействие граждан и организаций с органами власти. Эти процессы создают необходимые предпосылки для качественной трансформации государственного управления, в том числе затрагивая сферу обеспечения законности и поддержания правопорядка.

Особую значимость проблема цифровизации административного принуждения приобретает в условиях активного взаимодействия Республики Беларусь и Российской Федерации в рамках Союзного государства и Евразийского экономического союза, что обуславливает необходимость «разумной интеграции информационных систем стран-участниц с целью повышения эффективности межведомственного взаимодействия, отвечающего национальным интересам всех государств — участников Союза» [2, с. 63–64] и унификации подходов к правовому регулированию в данной сфере.

Цифровизация государственных функций «демонстрирует высокую эффективность на практике и значительную процессуальную экономию» [3, с. 374] и подразумевает не только автоматизацию текущих административных процессов, но и качественное изменение самого характера и содержания управленческой деятельности, которое требует глубокого осмысления и адекватного правового регулирования.

В административно-правовой сфере процессы цифровой трансформации сопровождаются глубокими изменениями, затрагивающими как механизмы реализации административных процедур, так и методы осуществления государственного контроля и надзора [4, с. 40]. Так, в Республике Беларусь был принят Закон от 28 октября 2008 г. № 433-З «Об административных процедурах», обеспечивающий гражданам гарантированное право на получение государственных услуг. Важной особенностью реализации данного закона является поэтапный перевод соответствующих процедур в электронную форму, осуществляемый посредством единого портала электронных услуг. Это, в свою очередь, существенно трансформирует взаимодействие гражданина с представителями органов власти, переводя его в дистанционную, программно-опосредованную плоскость, позволяющую снизить коррупционные риски. Вместе с тем существенно меняется и характер контроля за соблюдением установленных процедур: если ранее выявление нарушений административных процедур происходило преимущественно в рамках ведомственного либо прокурорского надзора, основанного на жалобах или проверках, то в настоящее время активно внедряются автоматизированные системы мониторинга, которые способны автоматически сигнализировать о нарушении сроков рассмотрения обращений и иных процедурных требований.

Цифровизация также оказывает значительное влияние на методы и формы государственного контроля и надзора. Органы, осуществляющие контрольные и надзорные функции, в частности Министерство внутренних дел, Министерство по чрезвычайным ситуациям, санитарные службы и экологические инспекции, активно внедряют автоматизированные информационные системы и базы данных, позволяющие в режиме реального времени отслеживать ключевые показатели и оперативно выявлять нарушения. Так, Министерство по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь активно использует интегрированные электронные датчики систем противопожарной сигнализации, данные с ко-

торых поступают непосредственно на центральные пулты мониторинга, обеспечивая немедленное реагирование при возникновении угрозы. Аналогично налоговые органы используют специализированные аналитические системы для автоматического сопоставления данных финансовой отчетности предприятий и выявления нарушений налогового и валютного законодательства [5, с. 131]. Такой формат позволяет существенно расширить сферу и интенсивность государственного надзора, а часть решений о применении мер административного принуждения принимается уже не только на основе личного усмотрения инспектора, но и исходя из автоматизированного анализа данных с применением алгоритмов, выявляющих «тревожные индикаторы» возможных нарушений.

Существенные изменения происходят и в процедуре административного делопроизводства, где активно реализуется переход на электронный документооборот с использованием электронной цифровой подписи (ЭЦП). В Республике Беларусь такая практика постепенно внедряется не только в рамках судебного производства, но и для административных процедур, осуществляемых вне судебного порядка, что позволяет существенно сократить сроки рассмотрения материалов и повысить оперативность принятия решений. Этот механизм способствует ускорению процедур и повышению оперативности принятия решений по делам об административных правонарушениях. Важную роль в таком процессе играет Единый банк данных о правонарушениях, обеспечивающий оперативный обмен информацией между компетентными органами, что, в свою очередь, позволяет централизованно контролировать исполнение административных взысканий и оперативно реагировать на факты их несвоевременного исполнения.

Эти изменения формируют принципиально новый контекст для реализации мер административного принуждения, поскольку происходит переход от традиционных форм непосредственного взаимодействия должностного лица и правонарушителя к технологиям, которые минимизируют прямой контакт человека и органов власти. Если ранее административное принуждение, как правило, предполагало физическое задержание нарушителя, личное вручение постановления, изъятие документов и другие аналогичные действия, то сегодня оно все чаще реализуется дистанционно, с использованием автоматизированных систем. Примером является система автоматической фото- и видеофиксации нарушений, в частности, в области дорожного движения. В Республике Беларусь на протяжении уже более 10 лет функционируют стационарные камеры контроля скорости, однако в последнее время наблюдается тенденция интеграции этих устройств в единую национальную сеть мониторинга, существенно расширяющую возможности государства по дистанционному выявлению и пресечению правонарушений.

Важным аспектом является планируемое введение механизма автоматического списания штрафов, наложенных на основе данных камер, непосредственно со счетов нарушителей. Переход к автоматическому списанию штрафов напрямую со счетов нарушителей уже рассматривается как ключевой элемент цифрового принуждения, направленного на сокращение сроков исполнения [6].

Использование подобного технологического решения потребует дальнейшего совершенствования законодательства, в частности, изменений в исполнительном производстве и административно-процессуальном регулировании. В настоящее время такие перспективы активно обсуждаются, причем акцентируется внимание на необходимости законодательного закрепления статуса электронных доказательств и процедур автоматического исполнения административных взысканий, что является неизбежным этапом развития национального административно-деликтного права в условиях цифровизации.

Внедрение систем автоматической фиксации правонарушений изменило не только процедуру административного преследования, но и саму правовую природу административного принуждения. Если ранее стандартной практикой считалось, что сотрудник Госавтоинспекции останавливает водителя непосредственно на месте нарушения, составляет протокол об административном правонарушении и вручает его копию правонарушителю, то сегодня подобная схема постепенно вытесняется полностью автоматизированными процессами. Процедура фиксации и взыскания все чаще осуществляется без участия лица и без протокола, на основании данных автоматических систем, что уже закреплено на законодательном уровне. Аналогичная правовая конструкция закреплена и в российском административном законодательстве, в частности в ст. 28.6 Кодекса Российской Федерации об адми-

нистративных правонарушениях, что свидетельствует о сходстве подходов двух стран в данном вопросе. При таком порядке привлечения к ответственности презюмируется виновность собственника (владельца) транспортного средства, если только он не представит доказательства того, что автомобилем управлял другой человек. Данная модель фактически переносит бремя доказывания на владельца транспортного средства, что в доктрине административного процесса рассматривается как потенциальное противоречие принципу презумпции невиновности [7, с. 279].

С внедрением автоматической фиксации административных правонарушений существенно изменились и масштабы применения административных взысканий. Опыт Российской Федерации свидетельствует о том, что подавляющее большинство административных постановлений по линии дорожной полиции теперь выносятся на основе данных с автоматических камер. Следует отметить, что аналогичная тенденция складывается и в Беларуси, с учетом расширения сети камер автоматической фиксации и увеличения их технических возможностей. Современные камеры, помимо фиксации скоростных нарушений, способны выявлять такие правонарушения, как проезд транспортного средства без прохождения обязательного технического осмотра (путем автоматического считывания талонов и сопоставления с информацией из базы данных), непристегнутый ремень безопасности, пересечение стоп-линии и другие нарушения дорожных правил. Таким образом, автоматизация административного принуждения достигла уровня, ранее не характерного для административно-карательной деятельности государства.

Неотъемлемым элементом новой процедуры привлечения к ответственности является использование системы электронного уведомления правонарушителей. В условиях автоматического рассмотрения дел, при котором личное вручение постановления не производится, ключевое значение приобретает своевременное и эффективное информирование граждан о наложенных взысканиях. В Республике Беларусь для этой цели уже функционирует специальный электронный сервис уведомлений, размещенный на интернет-порталах органов внутренних дел. Собственники транспортных средств имеют возможность зарегистрироваться в личном кабинете и оперативно получать информацию о штрафах, назначенных по результатам автоматической фиксации нарушений.

Тем не менее автоматическая фиксация правонарушений наряду с очевидными преимуществами порождает ряд правовых и организационных вызовов. Центральной правовой проблемой выступает уже упомянутый перенос бремени доказывания с государства на гражданина, что может входить в противоречие с принципом презумпции невиновности. Дополнительную сложность представляет вопрос обеспечения точности и надежности технических средств фиксации: ошибки в распознавании номерных знаков могут привести к наказанию невиновных лиц, а возможности оперативного и эффективного обжалования таких решений в законодательстве пока недостаточно проработаны. Также активно обсуждается ситуация, когда участие уполномоченного должностного лица сводится к формальному утверждению решений, принятых алгоритмами. В некоторых зарубежных странах, например в отдельных штатах США, действует практика обязательного подтверждения автоматических решений сотрудниками правоохранительных органов, в то время как в Беларуси и России фактически господствует полностью автоматизированный подход.

На сегодняшний день в белорусском законодательстве отсутствует полноценная регламентация статуса электронных доказательств и порядка применения алгоритмических решений в административном процессе. Тем не менее существующие тенденции развития государственного управления в условиях цифровизации указывают на необходимость оперативного устранения данного правового пробела. В связи с этим целесообразно включить в ПИКоАП Республики Беларусь специальные нормы, закрепляющие статус электронного документа как полноценного доказательства, а также детально регламентировать порядок автоматического вынесения постановлений, установив ответственность должностных лиц за ошибки алгоритмов и обязательную верификацию данных сотрудниками перед наложением санкций.

Следует отметить, что современное административное принуждение включает также широкий спектр профилактических и предупредительных механизмов, эффективность которых в условиях цифровой трансформации существенно возрастает благодаря новым технологиям анализа данных и дистанционного мониторинга. Одним из наиболее ярких проявлений данного подхода в Республике Бе-

ларусь является Республиканская система мониторинга общественной безопасности (Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 09.09.2022 № 234 «О регламенте функционирования республиканской системы мониторинга общественной безопасности»). Эта система интегрирует различные сенсоры и видеокамеры, размещенные в публичных местах и на важных инфраструктурных объектах, сводя их в единую цифровую платформу. В результате государственные органы получают возможность круглосуточного мониторинга ситуации в режиме реального времени для оперативного выявления угроз общественной безопасности и принятия соответствующих мер реагирования. Особенность и новизна данной системы заключается в принудительном подключении к ней частных объектов, таких как торговые центры, спортивные арены и иные места массового пребывания граждан. Собственники таких объектов обязаны предоставить государству доступ к своим камерам видеонаблюдения, что представляет собой новый тип публично-частного партнерства в административно-принудительной сфере. Данное нормативное требование можно рассматривать как новую форму административного принуждения, направленную на профилактику правонарушений [8, с. 4–11].

Еще одним направлением профилактического воздействия выступают автоматизированные системы мониторинга и контроля в различных сферах, например экологическом и санитарном надзоре. Внедрение цифровых датчиков на предприятиях позволяет своевременно выявлять нарушения экологических нормативов и оперативно применять меры административного пресечения. В Беларуси данный подход постепенно реализуется, например, посредством портала электронного экологического мониторинга («Экопортал»).

Отдельного внимания заслуживает применение цифровых профилей рисков при осуществлении государственного контроля и надзора. Подобные системы активно используются налоговыми, таможенными и иными контрольными органами Республики Беларусь и Российской Федерации. Алгоритмический подход к оценке рисков позволяет дифференцировать частоту проверок субъектов хозяйствования, исходя из степени их благонадежности, что, по сути, является элементом административного принуждения. В налоговой сфере использование автоматизированных алгоритмов позволяет предварительно выявлять налогоплательщиков, которые потенциально могут нарушать законодательство, и автоматически инициировать в отношении них принудительные меры, такие как проверки и блокировки счетов, до окончательного выяснения обстоятельств [9, с. 133]. Внедрение риско-ориентированного подхода в контрольной деятельности закреплено, в частности, Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2017 г. № 376 «О мерах по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности».

Особым аспектом цифровизации административного принуждения является возможность применения мер воздействия на расстоянии, без физического присутствия представителей власти. В Республике Беларусь активно обсуждаются перспективы автоматизированного безналичного списания штрафов непосредственно со счетов нарушителей, а также удаленного приостановления деятельности предприятий путем изменения их статуса в электронных реестрах. Аналогично в области интернет-коммуникаций и информационной безопасности реализуются меры удаленной блокировки доступа к противоправным ресурсам через соответствующие предписания Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь.

Активно развивается также электронный контроль исполнения назначенных взысканий, таких как лишение специальных прав (водительских удостоверений, права на охоту), которое фиксируется в электронных базах данных и реализуется посредством автоматического ограничения соответствующих действий. Кроме того, развивается практика проведения административных проверок дистанционным способом с применением видеосвязи, что уже закреплено в законодательстве Республики Беларусь и продолжает совершенствоваться на практике.

Таким образом, цифровизация административного принуждения трансформирует взаимодействие государства и общества, создавая новый режим, при котором гражданин и должностное лицо могут фактически не вступать в прямой контакт, а административное воздействие осуществляется через информационные и технические системы.

Обобщая изложенное, можно заключить, что современные формы административного принуждения, возникшие в условиях цифровой трансформации, представляют собой качественно но-

вое явление, органично сочетающее технические инновации и стратегические задачи обеспечения управляемости и законности в обществе. Эффективное применение цифровых инструментов требует оперативного совершенствования нормативной базы, включая нормы, устанавливающие допустимость и юридическую силу электронных доказательств, а также регламент автоматического вынесения постановлений, порядок их обжалования и верификации. В то же время «внедрение информационно-коммуникационных технологий должно быть разумным, полезным для общества, учитывать существующие и предполагаемые угрозы» [10, с. 53], поскольку «за всеми техническими удобствами разного рода гаджетов скрывается крайне опасная для человечества тенденция — угроза тотального контроля над обществом» [11, с. 208].

Наиболее перспективным направлением представляется принятие отдельного нормативного акта или специализированной главы в ПИКоАП Республики Беларусь, регламентирующей особенности применения мер административного принуждения, реализуемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. В контексте взаимодействия Беларуси и Российской Федерации, особенно в рамках Союзного государства и ЕАЭС, следует учитывать возможность унификации подходов к правовому регулированию цифрового административного принуждения, что позволит обеспечить взаимное признание электронных решений и повысить эффективность совместного правового пространства. В конечном итоге от того, насколько взвешенно и грамотно будет организована правовая поддержка новых цифровых форм административного воздействия, будет зависеть не только эффективность государственного управления, но и уровень доверия граждан к органам власти в цифровую эпоху.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Чернявская Ю.А., Лавров А.В. Цифровая трансформация государственного управления в современных условиях // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 12, ч. 1. С. 156–162.
2. Отческая Т.И., Афанасьева Т.И., Жукова П.Д. [и др.] Сравнительно-правовое исследование цифровой трансформации органов прокуратуры в странах ЕАЭС // Право и цифровая экономика. 2024. № 1. С. 52–64.
3. Шашкова А.Н., Трещенко Е.В. Цифровизация как одно из приоритетных направлений совершенствования законодательства об административном судопроизводстве // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Чебоксары, 26 июня 2024 г. Чебоксары : Среда, 2024. С. 372–374.
4. Федоренко К.П. Ключевые направления цифровизации и автоматизации таможенного контроля // Таможенное регулирование. Таможенный контроль. 2023. № 9. С. 39–47.
5. Овчарова Е.В. Влияние цифровой трансформации государственного управления на применение мер административного принуждения и на развитие института административной ответственности (на примере налогового администрирования) // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 2. С. 129–136.
6. Камеры прощуют насквозь // GTO.by. URL: <https://gto.by/news/kamery-proshyut-naskvoz> (дата обращения: 30.05.2025).
7. Шурухнова Д.Н. Цифровые технологии в административной юрисдикции: проблемы правовой регламентации // Российский юридический журнал. 2020. № 6. С. 278–280.
8. Лубенков А.В. Государственное принуждение и административная юрисдикция // Вестник Могилевского института МВД. 2022. № 1. С. 4–11.
9. Овчарова Е.В. Алгоритмы как элемент административного процесса: правовая природа и пределы применения // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 2. С. 129–136.
10. Василевич Г.А. Проблемы антропологизации цифровой среды // Право и цифровые технологии : электронный сборник статей Междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 24 ноября 2023 г. Новополоцк : Полоцкий гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2024. С. 50–54.
11. Сорокин В.В. Цифровизация права и защита. Антропология человека // Право и цифровые технологии : электронный сборник статей Междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 24 ноября 2023 г. Новополоцк : Полоцкий гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2024. С. 208–213.